

А. КУРЕЛЛА*

«Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?»** (Воспоминания)

Многим людям в мире известна эта картина: большое белое здание с зеленым куполом, над которым развевается красный флаг, полированный гранит Мавзолея, ряд темных пихт, а между Мавзолеем и куполом — старая кирпичная стена с высокими зубцами, напоминающими хвост ласточки.

На этой стене, между двумя высокими зубцами 1 мая 1919 года стоял молодой немецкий коммунист и смотрел вниз, на Красную площадь...

Только что состоялся небольшой парад войск. Солдаты в далеко не парадной, пестрой форме стояли, выстроившись в каре, справа от оригинального по своей архитектуре собора Василия Блаженного. Другая часть солдат образовала цепь на Красной площади. За ними виднелась большая толпа людей. Все стояли, тесно прижавшись друг к другу. Вся Москва пришла сюда на майский праздник. И к этим людям был обращен голос вождя, на которого смотрели тысячи пар глаз со всех сторон площади***.

И вот речь окончена. Двумя энергичными жестами подкрепил оратор последние слова, встреченные громкими криками медленно колыхавшейся толпы.

Человек на трибуне собирался сойти по ступенькам лестницы. Из широко раскрытых ворот башни с большими часами выехал скромный автомобиль. Возгласы несколько затихли, и стали слышны звуки «Интернационала», исполнявшегося небольшим оркестром.

И вдруг произошло нечто непредвиденное. Когда этот среднего роста человек сошел с трибуны, к которой подъехал автомобиль, толпа прорвала слабый кордон.

Увлекая за собой солдат, которые были охвачены тем же желанием, что и их братья в рабочих блузах, толпа, запрудившая всю площадь, устремилась к человеку, подходившему к автомобилю.

---

* *Альфред Курелла* (1895–1975) — видный деятель германского и международного коммунистического движения, писатель, переводчик. В 1919 г. и последующие годы встречался с Лениным как секретарь Исполкома КИМ.

** Воспоминания написаны в 1957 г.

*** В. И. Ленин 1 мая 1919 г. выступал на Красной площади трижды. — *Ред.*

Человеческий поток все теснее и плотнее, концентрическими кругами обступал этого человека.

Человек в медленно продвигавшейся вперед машине встал. Держа в руке кепку, он приветствовал людей. В ответ поднялся лес рук. Все отчетливее и громче доносилось из окружившей его массы людей: «Ленин!.. Ленин!.. Ленин!..».

Все стоявшие на площади — старые и молодые, военные и гражданские — слились в пестрой толпе в одно целое. Масса людей медленно перемещалась к башне с часами, продолжая крутиться вокруг одной точки, ставшей центром этого водоворота. Затем большие ворота пропустили автомобиль, и народом сразу же овладело спокойствие. Толпа, лишенная центра притяжения, рассыпалась, постепенно раскололась на небольшие группки. Вновь вставшие в строй солдаты покидали площадь...

Навсегда, неизгладимо, со всеми подробностями осталась в моей памяти эта картина, которую в тот день видел, вероятно, только один я, молодой немецкий коммунист, чья заветная мечта побывать в столице революции исполнилась лишь десять дней тому назад. И как бесконечно много пережил я за эти дни!

Да, я жил в Москве, в Кремле, я сразу же очутился в центре преобразующего мир движения. Ежедневно в столовой Совета Народных Комиссаров я встречался с людьми, которых знал по газетам как руководителей этого движения. Всего лишь несколько дней назад я сидел в комнате у вождя революции Ленина и больше часа разговаривал с ним один на один. И все это происходило после продолжавшейся несколько недель полной приключений поездки через границы, в обход занятых деревень и, наконец, через фронты, когда не раз жизнь была в опасности. Все это было достаточным основанием для того, чтобы заставить молодого человека смотреть на мир иными глазами.

Предшествующие месяцы были месяцами тяжелых боев. На первый взгляд, они окончились для нас (немецких революционеров. — *Ред.*) поражением. Но из этих боев вышла Коммунистическая партия Германии. Мы знали, что это означало для германского и международного рабочего движения, и понимали, что этой победой, возместившей все поражения последних месяцев, мы в немалой степени обязаны Ленину, так как он дал нам лозунг, который позволил вести борьбу не только путем агитации и пропаганды, но и с оружием в руках. Этим лозунгом был лозунг диктатуры пролетариата.

Надо перенестись в то время, чтобы уяснить, что тогда значила постановка на обсуждение такого «абстрактного» и «чисто теоретического» понятия, как диктатура пролетариата, которая

к тому же находилась в резком противоречии с господствовавшими в то время не только в прогрессивных кругах, но и в рабочем движении либеральными взглядами. «Диктатура пролетариата!» Нужно было не только превратить этот лозунг в объект споров, но и сделать его целью борьбы. Это действительно так и произошло. Весь горячий спор внутри рабочего класса о направлении и целях революции был определен этими двумя словами. Нашим арсеналом, из которого мы брали оружие для борьбы за диктатуру пролетариата, стала ленинская работа «Государство и революция».

Эта маленькая, но богатая по содержанию работа была нелегально привезена летом 1918 г. из Швейцарии в Германию. В группах и кружках подпольного молодежного движения мы тогда много читали, изучали и думали, что уже кое-что понимаем в учении Маркса, но эта книга была для нас чем-то новым. Я хорошо помню первое впечатление от нее. Откровенно говоря, я был несколько обескуражен: чего, собственно, хочет этот человек? (Думаю, что меня простят за это выражение, но так мы тогда думали. Ленин был для нас видным революционером, как теоретик он был одним из многих авторов, к которым мы должны были определить свое отношение.) Почему он, Ленин, считает, что читателю надо повторять одно и то же два, три, а то и большее количество раз? К чему это топтание на одном и том же месте? Но я продолжал читать: перечитал книгу второй раз. И вдруг понял, что эта книга дала мне аргументы для ответа на все важнейшие вопросы, которые ставила современность. Ход истории и борьба трудящихся масс превратили вопрос о государственной власти в Германии в жгучую практическую проблему повседневной политики.

Старое руководство государством было свергнуто, что же теперь надо делать? Что представляло из себя это государство, чем была государственная машина? Что должно было произойти с ней? И обязательно каждое размышление, каждый диспут по всем этим актуальным вопросам приводили к диктатуре пролетариата. Здесь проходила линия размежевания. От положительного или отрицательного ответа на вопрос, действительно ли был нужен целый период революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое и в связи с этим также и соответствующая форма государства, зависело каждое дальнейшее решение. В бурных спорах по этому вопросу, в оживленных дискуссиях, которые охватили самую широкую рабочую общественность, проявилось все внутреннее богатство ленинского решения этой проблемы. Мы научились тогда, даже сами этого не замечая, совершенно по-иному мыслить.

Кроме этого первого введения в материалистическую диалектику творческое изучение ленинской работы «Государство и революция» дало нам и нечто другое: эта книга по-настоящему познакомила нас с Марксом. Это не значит, что мы ранее не читали Маркса и Энгельса. Но картина, создававшаяся у нас после чтения, была отрывочной и неполной. Отдельные части их учения в нашем представлении не имели никакой внутренней связи, и прежде всего было трудно взять из марксизма, каким мы его раньше знали, прямые указания и аргументы для решения практических проблем, которые ставила перед нами история. То, что Ленин показал международному рабочему движению Маркса и Энгельса во всей полноте их гениальной мысли, то, что он открыл для нас марксизм как большую, всеобъемлющую систему теоретических и практических знаний, было одной из его величайших заслуг перед историей человечества.

Первая встреча и знакомство с миром мыслей Ленина были уже позади, когда весной 1919 года мне выпало счастье поехать с партийным поручением в Москву. Сразу же по приезде я познакомился с Лениным и быстро включился в работу, которая на долгое время ввела меня непосредственно в сферу деятельности Ленина, вождя Коммунистического Интернационала.

В Москву я прибыл 20 апреля 1919 года. Через несколько дней мне сообщили, что со мной желает говорить Ленин. Это приглашение было для меня несколько неожиданным, но я догадывался, что послужило поводом к нему. В то время, когда я находился в пути (а мое тяжелое путешествие продолжалось целый месяц), в Баварии была создана Советская республика. Связь Москвы с внешним миром в то время была слабой. Очевидно, Ленину сообщили, что прибыл курьер Центрального Комитета Коммунистической партии Германии. Этот человек из Мюнхена, где он руководил организацией коммунистической молодежи, был живым источником дополнительной информации для лучшего понимания того, что там произошло. И действительно, эта первая, продолжавшаяся более часа беседа заключалась в основном в том, что Ленин пытался почерпнуть из этого «источника» все, что было возможно. Но, как оказалось, от меня нельзя было получить слишком много.

Я жил в Кремле, и поэтому, когда за мной зашли, далеко идти не пришлось. Ленин встал из-за письменного стола, когда я вошел в небольшую, но очень светлую комнату правительственного здания, которая позже стала широко известной по многочисленным фотографиям и картинам. Мы сели за маленький столик в углу комнаты, Ленин — на стоявший у стены диван. Стол стоял так, что мы могли хорошо видеть друг друга. Ленин то откидывался

в угол дивана, положив левую руку на спинку, то нагибался вперед, опустив руки на колени и держа голову несколько набок. Когда он задавал важный вопрос, то садился прямо на край дивана, опустив слегка плечи и искоса поглядывая на меня, пока я долго отвечал на вопрос. И вообще я постоянно чувствовал его взгляд на себе, внимательный, испытующий, которым он, кажется, мог прочесть мысли, так как часто дополнительные вопросы Ленина касались того, о чем я только еще собирался сказать.

Что же касается меня, то наивная самоуверенность, с которой я пришел к Ленину, стала все больше и больше сменяться смущением. Не потому, что Ленин как-то хотел дать мне почувствовать свой авторитет; наоборот, он сразу заметил мое смущение и подчеркнул равноправный характер нашего разговора. Но это делало меня только еще более неуверенным. То, что сам Ленин знал о Мюнхене, о событиях в Баварии и о политическом положении в Германии, то, что он надеялся дополнительно узнать от меня, далеко выходило за пределы моих знаний и моего опыта.

Особенно удивлен я был уже в начале нашего разговора, когда Ленин спросил меня о специфических мюнхенских вещах. Ему были известны не только «Английский сад» с Моноптерусом и Китайской башней, но и Аумейстер и Унгерербад. (Тогда я еще не знал, что Ленин ранее был в Мюнхене.)* Он очень хорошо знал крупные предприятия этого города, из которых мне были известны только важнейшие; он знал о положении дел с кадрами в баварской социал-демократии, о чем я был осведомлен только в самых общих чертах. Ответы, которые я давал, были далеко не полными, а говоря о влиянии Коммунистической партии среди молодежи, я несколько преувеличивал его. Это Ленин сразу же почувствовал и с добродушной иронией поправил меня. Во время разговора мне все яснее и яснее становилось, сколько должен знать настоящий коммунист и партийный вождь и как мало мы (я судил по большинству моих тогдашних мюнхенских коллег по партии) знали о принципиальных и важных вещах.

Однако мне казалось, что все, о чем я мог сообщить, — характеристики различных деятелей мюнхенских левых, короткие рассказы о них — имело значение для Ленина. Он слушал, то одобрительно улыбаясь, то серьезно кивая головой. Но я был совершенно беспомощен в вопросе, который, очевидно, очень интересовал Ленина, — в вопросе о политических настроениях среди баварских крестьян и о влиянии нашей партии на них. Ле-

---

* В. И. Ленин жил в Мюнхене, где издавалась «Искра», с середины августа 1900 по март 1902 г. — *Ред.*

нин затронул его, когда я уже успел о многом сообщить. При первых моих словах о «левых течениях» и «растущем влиянии» он удивленно посмотрел на меня. Его брови поднимались все выше и выше, когда я начал рассказывать о «крестьянских советах», а когда же я упомянул один крестьянский совет в Розенхайме, он прервал мой рассказ: «Розенхайм? Это не у железной дороги на Куфштайн? Но это же город!..»

Я попытался несколько исправить мою информацию, но Ленин сразу же задал мне вопрос: «Вы, собственно, кто по профессии, товарищ?» — и сразу же после моего, правда не совсем соответствующего истине, ответа «студент» он возгласом «ах, так!» прервал расспросы о положении баварских крестьян. Ленин расспросил меня, где я остановился, как я обеспечен, какие у меня планы и могу ли я, если вскоре мне придется выехать, захватить с собой письмо в Баварию. Наша беседа имела своей целью дать дополнительный материал к тому, что Ленин уже собрал для «Письма к баварским рабочим»*. Я очень лаконично ответил на все эти вопросы и вскоре же распрощался с Лениным.

Этот не очень славный конец моей первой беседы с Лениным долго не выходил у меня из головы. Вначале я не видел связи между моим знанием крестьянского вопроса в Баварии и моей профессией и социальным происхождением. Только позднее, в течение многих лет приобретая опыт, я понял, как сильно социальное происхождение человека влияет на кругозор и тем самым на субъективные предпосылки для его умозаключений. Ведь речь идет о комплексе собственных переживаний, наблюдений и суждений в социально определенной и ограниченной среде, под влиянием которой в юношеские годы вырабатываются рефлексy и ассоциации индивидуума, та социально определенная окраска, которую получает образ мышления человека в детские и юношеские годы и которая дает о себе знать до глубокой старости. Жизненный опыт помог мне позднее понять, почему в Российской коммунистической партии, а затем и во всем Советском Союзе обращали внимание не только на общественное положение и профессиональную деятельность в настоящее время, но и на социальное происхождение человека, о взглядах и характере которого хотели знать как можно больше. Когда Ленин дал мне понять, что от немецкого студента он не ожидал хорошего знания аграрного вопроса в Баварии, я не сразу разобрался в том, что этим самым совершенно не было высказано принципиальное суждение о «студентах», что ни в коей

---

* Автор, вероятно, имеет в виду «Приветствие Баварской Советской республики». — *Ред.*

мере не шла речь о том увриеризме* [, о той интеллектуальной вражде, которая, как типичный спутник тред-юнионизма, продолжительное время делала в германском рабочем движении свое дело. Сомнение, зародившееся во мне после ленинского возгласа «ах, так!», заставляло меня постоянно возвращаться к вопросу о рабочем движении и интеллигенции до тех пор, пока я не нашел в гениальной работе Ленина «Что делать?» ключ для его правильного решения.

За первой встречей с Лениным последовала в том же 1919 г. вторая встреча, которая, однако, носила совершенно иной характер.

Еще в мае по инициативе Ленина была создана комиссия, которая должна была изучить положение в международном социалистическом молодежном движении и проверить возможность воссоздания молодежного Интернационала. Я был избран членом этой комиссии. Документы, которые появились в результате нашей работы, несколько раз докладывались Ленину и вернулись к нам с его замечаниями. В конце мая Исполнительный комитет незадолго перед этим созданного III, Коммунистического Интернационала издал воззвание, в основе которого лежало важнейшее ленинское указание по вопросу о международном социалистическом движении молодежи. В воззвании предлагалось объединить все существующие социалистические организации и организации рабочей молодежи, стоявшие в своем подавляющем большинстве в период войны на революционных позициях, в один Коммунистический Интернационал молодежи. Венгерский союз, представители которого в это время также были в Москве, взял на себя приглашение всех организаций на назначенную на середину августа встречу. Российский Коммунистический Союз Молодежи послал на нее двух своих делегатов. Наш отъезд был назначен на конец июля. Направлялись мы в Вену различными путями, так чтобы хоть один из нас смог доехать. Перед этим мы были еще не раз приглашены к Ленину.

И на этот раз разговор начался с многочисленных вопросов. То обстоятельство, что Ленин хорошо разбирался в этой области, не очень удивило меня. Я знал, насколько обстоятельно в Швейцарии в годы эмиграции он занимался проблемами молодежного движения. Мы должны были рассказать, как представляем себе нашу задачу. Ленин внес много поправок. Мы очень просто смотрели на вещи из-за своей юношеской наивности и надежды на то, что в документах комиссии есть замечательные тезисы по всем

---

* Увриеризм — воспитание у рабочего класса враждебного отношения к интеллигенции. — *Ред.*

вопросам. На прощание мы получили еще один небольшой урок по политической тактике.

Самой существенной стратегической задачей, как и прежде, была мобилизация возможно больших сил вокруг ясной, бескомпромиссной революционной программы, основой которой было признание диктатуры пролетариата. И здесь, в молодежном движении, признание классовой борьбы было тем принципиальным вопросом, на который можно было ответить только «да» или «нет». Но Ленин сразу же предупредил нас, что одно лишь признание этого теоретического пункта программы участниками движения не является решающим критерием для определения действительной политической позиции. Он особенно обратил наше внимание на ту позицию, которую, вероятно, займут австрийские марксисты. В молодежном движении они были представлены организацией австрийской социалистической молодежи. Они будут готовы идти на всевозможные уступки по чисто теоретическим вопросам, с тем чтобы избежать решения практических вопросов движения и сохранить за собой свободу действия.

Ленин предложил нам включить в проект программы не только признание III, Коммунистического Интернационала, но и положение о том, что новый Интернационал молодежи должен вступить на правах секции в Коминтерн. Во время предварительных переговоров, состоявшихся сразу же после этого, в августе 1919 года, в Вене, стало ясно, насколько важным было это указание. Действительно, «венцы» во главе с Даннебергом были готовы, как говорят, «проглотить» диктатуру пролетариата, но они упорно сопротивлялись признанию III Интернационала, предпочитая лучше идти на раскол, что и привело их в ходе дальнейших событий в болото социал-демократического оппортунизма.

На учредительном конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи нам пришлось много сделать, чтобы выполнить поручение Ленина. Даже среди некоторых коммунистических молодежных союзов были мнения и настроения, направленные против руководства молодежью со стороны коммунистической партии.

Через полтора года я вновь увидел Ленина. В конце февраля 1921 года я как член комиссии находившегося в Берлине Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи выехал в Москву для ведения политических переговоров. Речь вновь шла о той же проблеме, на которую обратил наше внимание Ленин еще летом 1919 года. Обсуждался вопрос о том, должен ли был руководящий состав Интернационала молодежи переехать из Берлина в Москву, где находился Исполнительный комитет Коминтерна. Ленин не участвовал в переговорах. Но мне представилась возможность

в качестве гостя присутствовать на X съезде РКП(б), проходившем в Свердловском зале в Кремле, где я слушал отчет Ленина о деятельности ЦК и часть прений, во время которых обсуждались важнейшие вопросы (о продовольственном налоге, о единстве партии)*.

Летом 1921 года II конгресс Коммунистического Интернационала молодежи в Москве после продолжительных и бурных дебатов принял решение о переводе Исполнительного комитета в Москву.

Уже на III конгрессе Коминтерна, который предшествовал нашему конгрессу и в котором мы приняли участие, но чаще всего в последующие годы, когда я, являясь секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала молодежи, с небольшим перерывом жил в Москве, неоднократно имел личный контакт с Лениным. Это происходило прежде всего на заседаниях комиссий, где я переводил несколько раз выступления Ленина на немецкий и французский языки, или на заседаниях Президиума Коминтерна, в которых принимал участие Ленин. Подробности этих встреч не сохранились в моей памяти. Но каждая дискуссия, во время которой я слышал, как Ленин излагает свою точку зрения, давала очень много для моего политического развития.